

ЗАПОВЕДНЫЕ ГРАНИ ХРИСТИАНСТВА

УДК 271.2+(281.9)+(908)
ББК 63.3+86.2

«ПРЕКРАСНАЯ ПУСТЫНЯ, ПРИМИ МЕНЯ В СВОЮ ЧАСТЫНЮ!» СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СКИТЫ В ВЕРХОВЬЕ ЕНИСЕЯ

**АЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА СТОРОЖЕНКО
МАРГАРИТА ПЕТРОВНА ТАТАРИНЦЕВА**

(Тувинский государственный университет:
Российская Федерация, 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36)

Аннотация. На основе архивных и печатных источников, в том числе и литературных, а также собственных полевых материалов авторы статьи прослеживают столетнюю историю верхнеенисейских скитов-монастырей, официальной датой зарождения которых считается 1917 г. Последовательно рассмотрены изменения, происходившие в монастырях в связи с историческими событиями бурного XX в., роль духовных лидеров в религиозной консолидации старообрядческих общин Верховья и сохранении у местных старообрядцев часовенного согласия традиционных обычаев и обрядов, крепкой веры в целом. Обращено внимание на тесное взаимодействие обитателей монастырей с местными жителями, на популярность у здешнего населения отшельнических поселений. Делается попытка объяснить причины прекращения существования верхнеенисейских монастырей и переезда оставшихся немногочисленных насельниц-монахинь на Дубчес и высказать предположение о возможных последствиях этого события.

Ключевые слова: Тува, старообрядцы часовенного согласия, верховье Малого Енисея, скиты и пустыни, духовные лидеры, отшельнические поселения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00723 «“Енисейский меридиан” старообрядчества: сохранение и развитие традиции в условиях таежных скитов и деревень».

Дата поступления статьи: 15 апреля 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Стороженко А. А., Татаринцева М. П. «Прекрасная пустыня, прими меня в свою частыню!» Старообрядческие скиты в верховье Енисея // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 2. С. 88–97.

DOI: 10.26158/ТК.2019.20.2.007

Довольно быстро после раскола старообрядческое движение переместилось за Урал и далее на восток, на просторы огромной Сибири. Потомки староверов и сегодня вспоминают, что переселения всегда были сопряжены с большими трудностями. Приходилось перевозить стариков и детей, домашний скarb, орудия труда, личные вещи,

продукты, но самое главное — древние книги и иконы. Часовенные и поморцы с их обостренным эсхатологическим восприятием по мере приближения других переселенцев оставляли обжитые места, стараясь поселиться подальше от оживленных дорог, православных священников и государственных структур.

Старообрядческие скиты, «пустыни» (так староверы называли свои монастыри) распространились по России вместе с расширением территории обитания самих старообрядцев. Исследователи старообрядчества, помимо знаменитых европейских старообрядческих монастырей — центров духовной культуры, называют скиты-монастыри за Уралом — монастыри алтайские, томско-чулымские, нижнеенисейские, приморские и др., в их числе и верхнеенисейские.

Верховье Малого Енисея как наиболее подходящее место для устройства и мирских поселений и монастырей было известно старообрядцам еще в конце XIX в. [Стороженко 2019, 10]. В 2017 г. исполнилась круглая дата — столетие существования верхнеенисейских скитов часовенного согласия. Как установил академик Н. Н. Покровский, неоднократно бывавший с археографическими экспедициями в верховье Малого Енисея — местах компактного проживания старообрядцев часовенного согласия в Туве, — первые скиты-монастыри появились здесь в 1917 г., и это был «осколок скита о. Нифонта, во главе с о. Игнатием» [Покровский, Зольникова 2002, 29]. Н. Н. Покровский пишет: «Скиты эти возникли в феврале 1917 г., после переселения сюда с Урала одного из осколков знаменитого скита о. Нифонта. В Тувинском списке Родословия часовенного согласия, составленного о. Нифонтом в 1887–1890 гг., имеется приписка, сделанная руководителем тувинских скитов о. Палладием. В ней он излагает следующую линию преемственности скитских игуменов Тувы в XX в. (о. Нифонт, о. Сергей, о. Игнатий, о. Палладий. Отец Игнатий погиб под арестом перед Отечественной войной)» [Там же, 465]. Добавим, что о. Палладий умер в 1970 г.

Однако, как свидетельствуют архивные и полевые источники, к этому времени в Туве среди русских переселенцев примерно третью часть составляли старообрядцы, в основном крестьяне, а в верховье Малого Енисея проживало около 25 староверских семей, принадлежавших к разным толкам и согласиям. Об этом в воспоминаниях пишет Е. Д. Паздерин, переселившийся в верховье Енисея с Алтая (Уймон) в феврале 1918 г. [НА ТИГПИ. Т. 503]. Он отмечал,

что отдельные заимки обосновавшихся в Верховье староверов напоминали отшельнические поселения и их обитатели стремились жить по-монашески. Примером может служить семья дяди Е. Д. Паздерина Автонома Юркова, у которого он жил первое время после переезда в Туву.

Е. Д. Паздерин писал, что дядя Автоном удалился в таежную глушь Тувы и поселился в местечке Ини-Куль (два озера), спасаясь от призыва в армию (Первая мировая война). Здесь он обитал в одной келье вместе с женой и семилетним сыном, но жили они не семейной, а монашеской жизнью, хотя и не были пострижены в монахи. Дядя Е. Д. Паздерина ел один раз в два дня, с женой вместе не спал, непрерывно молился, обеспечивали они себя за счет натурального хозяйства — имели небольшую пашню, огород. «Землянка, которую они называли “кельей”, стояла за камнями, чтобы не было видно с дороги, состояла из одной комнаты размером 5х5» [Там же].

Трудность установления нижней границы возникновения малоенисейских отшельнических поселений, очевидно, связана с изначальной их природой — бегством их обитателей от мира. Поэтому только отдельные, глухие упоминания в документах и позволяют предполагать, что первые такие поселения возникают в Урянхайском крае по долинам Большого и Малого Енисея в конце XIX в. Если известные всей округе и представителям русской администрации заимки Спрыгиных, Блиновых и других уже были зафиксированы на Бельбее и Усть-Брени в первом десятилетии XX в., а в 1918 г. источники упоминают о женском монастыре, то, надо полагать, самые первые заимки староверов появились значительно раньше.

Фамилии алтайских старообрядцев — Мамонтовы, Огневые, Нагибины — встречаются на протяжении всей истории переселений этого региона и в конечном итоге закрепляются в Урянхае — Туве. Фамилия Чунаревы (первоначально выходцы из Пермской губернии) встречается в архивных документах с начала XX в. Учитывая, что староверы переселялись, как правило, семейными и родственными кланами, то вряд ли история Петра Чунарева (о. Палладия) была исключением. Известность приобрел также его брат

Панфил Чунарев¹, сегодня эту фамилию сохранили в Туве потомки переселившегося когда-то клана. Усинские старообрядцы, среди которых Медведевы, Дресвянниковы, Долговы, Потылицыны, Ивановы, Блиновы, также первоначально имели заимки по Усу, Большому Енисею, Уюку, Эйлиг-Хему, Малому Енисею. Многие из них со временем переросли в большие многодворные деревни и села. Речные долины большинства впадающих в Малый Енисей речек стали местом активной хозяйственной деятельности усинских старообрядцев.

Территориально верхнеенисейские скиты были расположены в долине Малого Енисея, выше по его течению, начиная от места впадения в него р. Ужеп. Устья большинства мелких речек и ручьев, впадающих в Малый Енисей вплоть до так называемой «стрелки», там, где сливаются Балыктыг-Хем и Кызыл-Хем, стали тем удобным местом, где старообрядцы-часовенные основали еще в первой половине XX в. немало пустынь и скитов. Одна из самых знаменитых скитниц м. Надежда (Михайлова) с сестрами м. Анафролией и м. Досифеей жили на Чендрактах. Немало отшельнических поселений было на Янзелях, Окчарах, Унжее, Мае, Мостах. Большинство из них было трудно заметить со стороны реки, они были надежно укрыты, по-хозяйски обустроены [Стороженко, Татаринцева 2016, 95].

Приведем еще несколько значимых подробностей из рукописи Е. Д. Паздерина. Несколько освоившись в новой обстановке, он обратил внимание на неоднородность староверов Верховья — их субконфессиональные особенности. «В Верховье (зима 1918 г. — *Авт.*) жило народу около ста человек, все были старообрядцы... но все делились на разные еще ответвления. Почти каждая семья молилась отдельно, и одни с другими не кушали, каждый считал себя чистым и “святым”. Мы отправляли

службу без пения, чтением псалтири, крестились и кланялись. Остальные службу справляли с пением, как в православной церкви»² [НА ТИГПИ. Т. 503].

О жизни монахов в таежной глуши Верховья в XX в. оставили письменные свидетельства и воспоминания разные авторы, начиная с периода 1920–1930-х гг. и заканчивая последними десятилетиями века. Среди них можно назвать П. Маслова, Е. Паздерина, Н. Покровского, Л. Звереву и др. Особое отношение вызывают факты из жизни староверов и монахов-скитников Верховья, изложенные в художественно-документальной книге А. Ф. Емельянова «От мира не уйти» [Емельянов 1984]. Считаем, что им можно вполне доверять. Будучи работником обкома партии, А. Емельянов имел доступ к закрытым документам, связанным с судебно-следственными делами и репрессиями староверов, поэтому имена, даты и факты, названные в книге, подлинны. Их не оспаривают сами участники и свидетели тех событий. Емельянов имел возможность, пользуясь служебным положением, бывать в отдаленных уголках Верховья, собирая материал для книги. Другое дело — воинственно-атеистический, наступательный настрой его сочинений, обличительная интерпретация этих фактов, особенно по отношению к монахам и наставникам, связанные с господствующей в те времена атеистической идеологией, пропагандистом коей он и был по долгу службы. Все староверы, по мнению автора, живут в «иллюзорном мире веры в несуществующего бога» [Там же, 2].

Кстати, все приведенные в книге А. Емельянова истории, даже самые одиозные, об арестах религиозных лидеров и самоубийствах фанатично верующих староверов, хорошо известны современным жителям Верховья, в их среде и сейчас бытуют устные рассказы о дальнейшей судьбе участников этих событий.

¹ Панфил Чунарев покончил с собой, бросившись зимой в незамерзающий бурный порог Енисея, когда его под конвоем «выводили» из Верховья. Сейчас на географических картах это место называется «Панфилов порог».

² Отметим одну особенность в биографии Е. Д. Паздерина. Всю свою сознательную жизнь, начиная с 18 лет, он прожил среди старообрядцев верховья Малого Енисея, хорошо знал всех его жителей, сам же, как следует из его воспоминаний, не раз переходил из веры в неверие. Его воспоминания в рукописном виде поступили в архив ТИГИ в 1969 г., в то время он активно занимался антирелигиозной пропагандой, не раз с этой темой выступал на страницах «Тувинской правды». Его воспоминания легли в основу очерка А. Емельянова «Счастье Евлампия Паздерина» [Емельянов 1984].

Верхнеенисейские скиты не представляли собой какого-либо исключительно явления. Они, так же как и в других местах старообрядческого расселения, были тесно связаны духовными и родственными узами с остальной округой. Старообрядцы ближайших мирских поселений так или иначе были включены в их хозяйственную жизнь, регулярно помогали продуктами. Хотя в основном скитская жизнь рассчитана на самообеспечение, отшельник должен кормиться плодами рук своих, однако таежному скиту в условиях сурового сибирского климата и престарелого в основном контингента обитателей трудно выжить абсолютно самостоятельно, без поддержки сельской округи [Стороженко, Татаринцева 2016, 95]. Достаточно основательно взаимоотношения сибирских скитов и крестьянской общины изучены на примере томско-чулымских таежных скитов страннического согласия, просуществовавших двести лет [Дутчак, Ким, Буркун 2015, 235–251].

Отношения скитников-монахов Верховья и близлежащих деревень, в основном населенных староверами часовенного согласия, складывались постепенно и развивались в направлении сближения и взаимодействия. И обитатели скитов — монахи и послушники, и жители старообрядческих поселений (Шивея, Эржея, Ужепа, Сизима, других одиночных или малодворных заимок) знали основное правило монашеской жизни: в обители надо работать и молиться. Это правило было завещано христианам Ефремом Сирином, другими раннехристианскими отшельниками, уходившими в «пустынь» от падшего мира, от мирской суеты для спасения души. А если учитывать эсхатологические настроения гонимых старообрядцев, да еще в XX в., воспринимавшемся ими как век хаоса, воцарившегося Антихриста и в целом как конец света перед Страшным судом, то аскетический образ жизни на чистой земле в ските-монастыре, где насельники называют друг друга «братьями» и «сестрами», в трудах и молитвах, вдали от мирских страстей представлялся глубоко верующему человеку весьма привлекательным — душеполезным, дающим шанс на спасение. Поэтому уход в монастырь-скит не был в Верховье явлением необычным, напротив, это было заветное желание многих

«мирских», хотя далеко не всегда осуществимое. По убеждению старообрядцев, в монахи можно уходить только в том случае, «когда в мирской жизни тебя уже ничего не держит». Как говорят они сами, «...в монашки можно пойти только тогда, когда ты свободен от мирских обязанностей, когда тобой никто не нуждается и ты ни о ком не думаешь» [Стороженко, Татаринцева 2016, 95].

Как показывают полевые материалы второй половины XX в., переезжающие на постоянное жительство в скиты брали с собой книги, иконы, одежду, ткани, муку, другие продукты, иногда скот, например корову. Так, по рассказу М. Д. Супрыгиной, ее мать, перебравшаяся вместе с ней в скит доживать свой век в возрасте 100 лет, увезла с собой 10 пудов муки, дойную корову, масло. Это был ее вклад в общее хозяйство, который становится достоянием всех насельников скита. Мать там и умерла в возрасте 103 лет [НА ТИГПИ. Д. 982].

Существовали и добровольные пожертвования верующих в пользу монастыря, «милостыни» — материального (какое-либо имущество) и духовного характера (иконы, книги, распятия, другие раритеты). Взаимодействие с «мирским» населением, моральная и материальная поддержка верующих позволяли насельникам скитов соблюдать строгий монастырский устав, сохранять религиозные святыни, проводить коллективные моления в дни великих религиозных праздников и в целом оказывать сильное консолидирующее влияние на всех верующих, укрепляя их веру, быть сакральным местом, «точкой притяжения» (Е. Дутчак) для всей старообрядческой округи.

Строгое соблюдение монахами монастырского устава с многочисленными запретами и ограничениями, определенные правила в поведении, образе жизни, еде, одежде, контактах с внешним миром становились образцом подражания для «мирских» староверов, а в целом способствовали сохранению их идентичности, разграничению мира на «свое» и «чужое», служили в разные годы идее «несмешения» с «падшим» миром из опасения подпасть под власть Антихриста. Внутригрупповая сплоченность обеспечивала психологическую устойчивость к многочисленным испытаниям и трудностям,

которые выпали на долю почти каждой старообрядческой семьи, формировала особый тип человека, готового претерпевать лишения, отстаивая свое миропонимание, свою истину.

Очень важна была в этом роль наставника, грамотного, хорошо знающего Священное Писание, другие вероучительные книги, умеющего обосновать свои поступки, наставления ссылками на эти источники, предлагать свою трактовку известного текста. Авторитет наставника держался на «трех китах»: человеческие качества, книжная мудрость, стойкая жизненная позиция.

Духовный лидер мог быть инициатором определенных действий со стороны верующих, помогал им выработать поведенческие стратегии во враждебном мире, вплоть до смены общины места жительства, он был помощником в разрешении множества проблем общественного или житейского характера и т.д. Несколько десятилетий таким лидером староверов Верховья был о. Палладий, по выражению Н.Н. Покровского, «знаменитый верхнеенисейский пустынный», с которым ученый был лично знаком. Ему принадлежит емкий портрет-характеристика о. Палладия в последние его годы жизни, относящийся уже к 1960-м гг.: «Черное с темно-красным кантом одеяние придавало хозяину этого маленького пустынножительного поселения ту особую осанку и манеру держаться, которую так трудно совместить с повседневной реальностью нашего века. Выговор и лицо на первый взгляд такие же, как у многих сибирских крестьян. <...> Лишь приглядевшись, замечаешь печать тех десятилетий, когда авторитет его был непререкаем на многие сотни верст вокруг» [Покровский 1984, 20].

Относящиеся к разным периодам архивные, литературные и полевые материалы в совокупности позволяют реконструировать реальную картину жизни в монастырях, местные особенности, связанные с историческими и социально-экономическими условиями жизни русских переселенцев в Туве, в том числе и староверов, и во времена, когда Тува еще не была частью СССР, и позже.

Наиболее ранними по времени являются материалы П. Маслова, московского ученого, профессора, возглавлявшего

перепись населения в Туве в самом конце 1920-х гг. и прожившего в связи с этим там полтора года. Преодолев непролазные чащи тайги верховья Малого Енисея, членам его экспедиции удалось в 1930 г. выявить, помимо уже известных тувинскому правительству 32 заимок, еще 9 келий с 18 черноризцами. П. Маслов пишет о способах жизнеобеспечения этих одиночных крестьянских поселений, которые оказывались близкими соседями скитов: «...У каждой заимки на распаханном займище был свой клочок пашни и своя миниатюрная мельница-мутовка с маленьким, поставленным горизонтально водяным колесом» [Маслов 1933, 124].

Но в целом П. Маслов считает не вполне удачной свою экспедицию в Верховье, поскольку не до всех заимок и одиночных келий удалось добраться, настолько хорошо они были укрыты от посторонних глаз. П. Маслов обратил внимание на конспирацию, с учетом которой строили скиты и в целом свою жизнь как насельники монастыря, так и просто обитатели отшельнических поселений и заимок.

На эту же особенность указывают все, кто помнит те времена. Экспедиция Маслова застала тот период, когда «наставником и предводителем Малоенисейского Беловодья (выражение П. Маслова. — *Авт.*) был отец Кирилл, который создал вокруг своего имени ореол тайны и страха, а легенды создавали образ подвижника. О нем ходили слухи, что он пятнадцать лет не показывался мирским». Вот описание его скита-«займища», из которого о. Кирилл по какому-то сигналу все же успел удалиться перед самым приходом туда членов экспедиции: «Обычная изба... Но за этой избой на обширной площади разбит пчельник. С удивлением отмечаю прекрасное оборудование тридцати рамочных ульев, не считая колод. Вот откуда снабжается воском весь верхний Ха-Хем, или, как его называют здесь, Верховье!» [Там же, 139].

Интерес представляет его описание скита-монастыря, населенного дряхлыми стариками: «...Благоустроенный дворик с теплыми клетками для кур и целым стадом откормленных кошек... Вся усадьба расположена высоко над Ха-Хемом, в глубине каменного уступа, но по самому краю уступ завален чащей, чтобы случайный рыбак, спускающийся на

плотике-салике, не мог ее видеть с реки. Для меня ясно, что эти старцы не в состоянии идти дорогой, по которой мы пробирались сюда, другой же дороги нет. Значит, они отрезаны от всего мира. Значит, если заимки прекратят им поставку продовольствия, их ждет неминуемая смерть» [Там же].

Не менее познавательно свидетельство о жизни в монастырях на рубеже 1920–1930-х гг. другой участницы той же экспедиции, жительницы Тувы Л. Зверевой. Она побывала в самом отдаленном скиту, поскольку там жила монахиня м. Мастрада (Мария), ее двоюродная сестра. Увезенная в детстве в скит бабушкой, она так и провела в монастыре большую часть своей жизни, там и скончалась, хотя на некоторое время покидала монастырь и жила «в миру», даже была на войне³.

Л. Зверева так описала труднодоступный скит времен 1930-х гг.: «Землянки находились высоко в скалах, окна были прорублены в потолке и закрывались как трубы. Было там необыкновенно красиво: стены окрашены особой краской, ее из подсолнухов делали, все иконы были обрамлены бисерной вышивкой, в свете лампадок и свечей все очень красиво переливалось, сверкало. В спальне стояли лавки. Все обитатели этого монастыря делились по возрасту и полу: парни жили отдельно от мужчин-монахов, у женщин тоже было разделение» [Народная летопись 2001, 172–173].

Говоря о жизни монахов, можно сказать и о матушках Михайловых — Надежде, Досифее и Анафролии, которые прожили всю жизнь в скитах по Малому Енисею, переселившись туда с родителями в девичестве в первые десятилетия XX в., и которые никогда другой жизни, кроме монашеской, не знали. Современные староверы — жители Верховья помнят имена насельников скитов — отцов и матушек, некоторые их индивидуальные особенности, что говорит о длительных контактах монахов и мирских, обычных крестьян-староверов, их взаимодействии.

Типичный облик монахини П. Маслов описывает так: «Черная риза, черный платок и дрожащая рука, перебирающая зубчатые четки» [Маслов 1933,

132]. Одиноким черноризцев, живших в кельях-землянках, тувинцы называли «земляные кижы» («кижи» по-тувински «человек»).

Следующее по времени описание скитов Верховья относится к 1960-х гг. и также принадлежит академику Покровскому [Покровский 1984, 20]. Автор обращает внимание на уединенность и удаленность скитов от мирских поселений, на преобладание в эти годы в скитах пожилых женщин-монахинь и послушниц, которым трудно обходиться без посторонней помощи — вести хозяйство, ремонтировать жилье, обеспечивать себя самым необходимым. Поэтому, отмечает Н. Н. Покровский, мирское население соседних заимок и деревень помогает скитницам — берет на себя ремонт келий, заготовку сена, оказывает помощь продуктами. Покровский сообщил, что вблизи женского монастыря находилась келья духовного отца монахинь — отца Палладия. «Такая “связка” — женская обитель и скит черноризца, их духовного отца, у часовенных была очень часто» [Покровский 2002, 428]. А. Ф. Емельянов, который примерно в те же годы, что и Н. Н. Покровский, посещал скиты Верховья, отмечал, что в монастыре матушки Надежды в 1970-е гг. было 13 накрытых и ненакрытых старух [Емельянов 1984].

Чем объясняется такая приверженность глубоко верующих старообрядцев идеям монастырской жизни? Ответ может быть таким: христианское учение о том, что земная жизнь — это лишь приготовление к жизни вечной и лучший способ подготовиться к ней — отшельничество, «пустынничество», т. е. жизнь, удаленная от грешного мира, его суеты и соблазнов, аскетическая и смиренная, посвященная Богу, спасению души. Скит, монастырь-пустынь — это спасительное место молитвенного уединения, где можно сосредоточиться только на молитвах, духовном общении с Богом и тем самым спасти душу. У многих глубоко верующих старообрядцев существует внутренняя потребность именно в такой жизни. Отсюда популярность среди старообрядцев раннехристианских идей пустынножительства, скитничества. «Прекрасная

³ О судьбе м. Мастрадаи также рассказывает повесть «Монахи» из уже названной книги [Емельянов 1984].

пустыня, прими меня в свою частыню!» — поется в духовном стихе староверов. Исследователь С. Зеньковский пишет: «Поклонения русских подвижников находили спасение в монашестве, вечной молитве, духовном самоусовершенствовании и уединении» [Зеньковский 1995, 74].

Старообрядцы всегда придавали большое значение высоте и крепости духа, если даже физически человек стар и немощен. Именно в состоянии духовного подъема и безграничной веры надо уходить из жизни, считают они. И жизнь в отдаленных скитах, в тиши и уединении — лучший способ подготовиться к такому уходу. Уже говорилось, что перед накрытием — переходом в монашество, человеку нужно отрезать все мирские связи. К этому внутренне он должен быть готов, и готовность эта заключается не только в строгом следовании всем правилам религиозной жизни в течение определенного времени (испытательный срок), но и в отрешении от мирской суеты, семейных, родственных обязанностей и привязанностей. «Сорок лестовок надо отмолить, прежде чем их накроют» — так говорят старообрядцы о тех, кто готовится к накрытию. При накрытии монахи получают новое крещение и новое имя взамен мирского. Закрывающие тело черные одежды — это уже знак отлучения от мира [Татаринцева, Стороженко 2015, 108]. Поселившись в скиту, принявшему монашеский обет уже нет обратной дороги в мир, окружавшие его когда-то люди считают, что уйти в монахи — все равно что умереть. Послушничество может длиться несколько лет.

Монашеская жизнь — это суровое, духовно смиренное житие, подчиненное строгому уставу. Это отшельничество, безмолвие, постоянное обращение к Богу с молитвами. Жизнь монаха, кроме трудов, связанных с жизнеобеспечением скита, состоит в основном из многочасовых дневных и ночных молений перед образами со свечой или лампадой и чтения священных старопечатных книг.

Неукоснительно соблюдаются пищевые ограничения, постничество: мясо в пищу не употребляется вообще, а рыба — только по определенным праздникам. Такая аскетическая жизнь вдали от мира, с суровыми постами, многочасовыми молитвами, сопровождаемыми

земными поклонами, в окружении священных книг, икон и близких по духу единоверцев — духовных братьев и сестер — предполагает духовное и физическое очищение человека в конце жизни земной, накануне жизни вечной. Условия жизни в уединенной обители вдали от мирских страстей благоприятствуют внутренней работе над самим собой, самосовершенствованию духа.

Жизнь в пустыни требует подвижничества и каждодневного труда, а для мирских — это пример для подражания, поэтому многие глубоко верующие староверы стремятся следовать правилам монашеской жизни, не будучи монахами. Отсюда и популярность одиноких отшельнических поселений. Подобные заимки — одиночные или малодворные поселения в таежной глуши — продолжают существовать и в наши дни в верховье Малого Енисея.

В конце XX в. скит обычно представлял собой несколько избушек-келий, населенных двумя-тремя монахинями или послушницами. Возглавляла скит игуменья. В 1980-х гг. это была матушка Надежда (Михайлова) [Там же, 109]. Старообрядческие скиты верховьев Малого Енисея отличались неуклонным соблюдением заповедей монашеской жизни, строгостью повседневной жизни, обязательным подчинением религиозным нормам. Отсутствие авторитетного наставника, который является религиозным лидером общины, послужило одной из основных причин выезда матушек на Дубчес. Насколько нам известно, «...последним из накрытых отцов был отец Боголеп (Вяткин), который заболел менингитом и быстро умер» (Зап. от Веры Ивановны Юрковой, с. Сизим, Каа-Хемский р-н, Республика Тыва. Соб. А. А. Стороженко. 2016 г.) [НА ТувГУ. Ф. 1. Оп. 1].

В 2010 г. матушек, остававшихся в верхнеенисейских скитах, вывезли в монастыри на Дубчес, с которыми старообрядцы Верховья всегда поддерживали связи. Там сейчас эти матушки и проживают. По свидетельству В. И. Юрковой, мать которой уже 10 лет живет в тамошних монастырях, «...они сами попросились на Дубчес, поскольку в Верховье нет накрытых отцов, значит, нет исправы и нет покаяния. До деревни Даниловки их довез Сергей Потылицын на катере на

воздушной подушке, а там дальше — на машинах. Вторым рейсом вывезли вещи. Еще кое-что вывозили зимой» (Зап. от Веры Ивановны Юрковой, с. Сизим, Каа-Хемский р-н, Республика Тыва. Соб. А. А. Стороженко. 2016 г.) [НА ТувГУ. Ф. 1. Оп. 1]. Сейчас в Верховье живет всего несколько матушек: на Чодуралыге — матушка Максимилла, на Чендрактах — матушка Авсияния, которая ухаживает за больной сестрой.

Скиты в других регионах страны прекращали свою деятельность чаще всего в результате давления извне, а в верховье Малого Енисея мы имеем совсем другую картину. Целый комплекс обстоятельств,

которые нуждаются в дополнительном исследовании, стали причиной этого. В беседах на эту тему сами старообрядцы указывают на разные причины, в том числе ослабление эсхатологических настроений у верующих, усталившееся поселение в скитах совершенно случайных людей, ослабление уставных требований по отношению к насельникам скитов и др. В настоящее время в верховье Малого Енисея скитов, и мужских, и женских, бывших на протяжении всего XX в. духовными центрами для старообрядцев в Туве, практически нет, и это большая утрата для верующих, которая неизбежно повлечет за собой и социокультурные последствия.

Источники и материалы

Емельянов 1984 — *Емельянов А. Ф.* От мира не уйти. Кызыл, 1984.

Маслов 1933 — *Маслов П.* Конец Урянхия. М., 1933.

НА ТИГПИ — Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

НА ТувГУ — Научный архив кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета.

Народная летопись 2001 — Народная летопись. Кызыл, 2001.

Исследования

Дутчак 2007 — *Дутчак Е. Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.) / Под ред. В. В. Керова. Томск, 2007.

Дутчак, Ким, Буркун 2015 — *Дутчак Е., Ким Е., Буркун А.* Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения // Православная культура вчера и сегодня / Ред. Е. Потехина, А. Кравецкий. Olsztyn, 2015. С. 235–251. (Fontes Slavica Orthodoxa II).

Зеньковский 1995 — *Зеньковский С.* Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995.

Покровский 1984 — *Покровский Н. Н.* Путешествие за редкими книгами. М., 1984.

Покровский, Зольникова 2002 — *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

Стороженко 2019 — *Стороженко А. А.* Старообрядческие монастыри «енисейского меридиана» в XX веке: истоки, традиции и современное состояние // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/826> (дата обращения: 10.04.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.1.1.

Стороженко, Татаринцева 2016 — *Стороженко А. А., Татаринцева М. П.* Верхнеенисейские старообрядческие скиты в Туве: историческая реконструкция // Научные труды Тувинского государственного университета: Матер. ежегод. науч.-практ. конф. преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посв. 65-летию юбилею высшего педагогического образования в Туве и 95-летию становления Тувинской Народной Республики. Кызыл, 2016. С. 95–96.

Татаринцева, Стороженко 2015 — *Татаринцева М. П., Стороженко А. А.* Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современность. Saarbrücken, 2015.

© А. А. Стороженко, М. П. Татаринцева, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Стороженко А. А. <https://orcid.org/0000-0001-9986-8966>

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета: Российская Федерация, 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36; тел.: +7 (394) 222-38-38; e-mail: alstorozhenko@yandex.ru

Татаринцева М. П. <https://orcid.org/0000-0002-2118-1926>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Тувинского государственного университета: Российская Федерация, 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36; тел.: +7 (394) 222-38-38; e-mail: margotatar@mail.ru

“OH, DELIGHTFUL SKETE, ACCEPT AND PROTECT ME FROM WORLDLY LIFE!”

OLD BELIVER SKETES ON THE UPPER YENISEI

ALENA A. STOROZHENKO
MARGARITA P. TATARINTSEVA

(Tuva State University: 36, Lenin str., Kyzyl, 667000, Russian Federation)

Summary. Using archival and printed sources, including literary ones, as well as their own field materials, the authors of this article trace the hundred-year history of Upper Yenisei monasteries (sketes) whose official birth date is considered to be the year 1917. They examine the changes that took place in the monasteries during the turbulent 20th century, the role of spiritual leaders in the consolidation of Old Believer communities of the Upper Yenisey River, and the preservation of traditional customs and rituals (as well strong belief) by local Old Believers of the Chapel Community (Chasovennoe soglasie). Special attention is paid to the close cooperation between inhabitants of monasteries and local residents, as well to the popularity of eremitic settlements. The authors attempt to explain the reasons for the demise of Upper Yenisei monasteries and the relocation of a small number of their remaining nuns to Dubches, and they also suggest possible consequences of this event.

Key words: Tuva, Chapel Community of Old Believers, the upper reaches of the Small Yenisei, hermitages and sketes, spiritual leaders, eremitic settlements.

Acknowledgements. This paper is supported by a grant from the Foundation for Basic Research, project No. 18–09–00723 “Old Believer’s Yenisei meridian: maintenance and development of tradition in conditions of boreal forest hermitages and villages”.

Received: April 15, 2019.

Date of publication: June 25, 2019.

For citation: Storozhenko A. A., Tatarintseva M. P. “Oh, delightful skete, accept and protect me from worldly life!” Old Believer sketes on the Upper Yenisei. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 88–97. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.2.007

References

Dutchak E. E. (2007) Iz “Vavilona” v “Belovode”: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX — nachalo XXI v.) [From “Babylon” to “Belovodye”: Opportunities for adaptation in taiga communities of Old Believer Wanderers (from the second half of the 19th to early 21st century)]. Ed. by V. V. Kerova. Tomsk. In Russian.

Dutchak E., Kim E., Burkun A. (2015) Krest’yanskaya obshchina i staroobryadcheskiy skit: formula prityazheniya [Peasant community and Old Believer skete: A formula of attraction]. In: Pravoslavnaya kul’tura vchera i segodnya [Orthodox culture yesterday and today]. Ed. by E. Potekhina, A. Kraveckiy. Olsztyn. Pp. 235–251. In Russian.

Pokrovskiy N. N. (1984) Puteshestvie za redkimi knigami [Journey for rare books]. Moscow. In Russian.

Pokrovskiy N. N., Zolnikova N. D. (2002) Starovery-chasovennye na vostoke Rossii v XVIII–XX vv. Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya [Chapel Community Old Believers in the East of Russia in the 18th — 20th centuries: Issues of creativity and social consciousness]. Moscow. In Russian.

Storozhenko A. A. (2019) Staroobryadcheskie monastyri “eniseyskogo meridiana” v XX veke: istoki, traditsii i sovremennoe sostoyanie [Old Believer monasteries of the Yenisei meridian in the 20th century. Origins, traditions, and their modern condition]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New research of Tuva]. 2019. No. 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/826> (retrieved: 10.04.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.1.1. In Russian.

Storozhenko A. A., Tatarintseva M. P. (2016) Verkhneeniseyskie staroobryadcheskie skity v Tuve: istoricheskaya rekonstruktsiya [Upper Yenisei Old Believer sketes in Tuva: An historical reconstruction]. In: Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta [Research papers of Tuvan State University]. Mater. of the Annual Research Conf. of Teachers, Staff and Graduate Students of Tuvan State University dedicated to the 65th anniversary of higher pedagogical education in Tuva and the 95th anniversary of the formation of the People’s Republic of Tuva. Ed. by U. V. Ondar. Kyzyl. Pp. 95–96. In Russian.

Tatarintseva M. P., Storozhenko A. A. (2015) Staroobryadtsy Tuvy: retrospektiva i sovremennoost’ [The Old Believers of Tuva. In retrospect and today]. Saarbrücken. In Russian.

Zenkovskiy S. (1995) Russkoe staroobryadchestvo: dukhovnye dvizheniya semnadsatogo veka [Russian Old Believers. The religious movements of the seventeenth century]. Moscow. In Russian.
© A. A. Storozhenko, M. P. Tatarintseva, 2019

ABOUT THE AUTHORS

Alena A. Storozhenko <https://orcid.org/0000-0001-9986-8966>

E-mail: alstorozhenko@yandex.ru

Tel.: +7 (394) 222-38-38

36, Lenin str., Kyzyl, 667000, Russian Federation

PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History, Tuvan State University

Margarita P. Tatarintseva <https://orcid.org/0000-0002-2118-1926>

E-mail: margotatar@mail.ru

Tel.: +7 (394) 222-38-38

36, Lenin str., Kyzyl, 667000, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Tuvan State University

---

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)